

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 23

1 апреля 1944 года

№ 23

содержание:

Третья беседа старого казака
с молодыми

★

Исторические очерки Дона (про-
должение) — П. Н. Краснов

★

Донские калмыки — Вл. Аб-
данк-Коссовский

★

Лбищенский рейд — А. По-
годаев

★

Нас Дон зовет... — Д. Хутор-
ской

★

Матери-казачке — стихотво-
рение в прозе Ив. Колесова

★

Таис (продолжение) — Т. Лев-
шина

★

Смерть атамана — стихотво-
рение А. Крымцева

★

Аксайцы — сотник Галушкин

★

Розыски

Германский генерал беседует с казаком, бывшем под его начальством
в боях 1942 года на Дону

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

Беседы старого казака с молодыми

Беседа третья.

О воинском воспитании.

В основу воинского воспитания казака положены два великих завета:

Завет христианский: «нет больше той любви, как, если кто положит душу свою за друзей своих».

И завет Суворовский: «сам погибай, а товарища выручай».

Казаки всегда были глубоко проникнуты этими великими заветами воинского воспитания. Расскажу вам то, что слышал от отца своего, старого казака, участника Русско-Турецкой войны 1877-78 годов.

2-го октября 1877-го года в деле у Базарджика, отряд Северских драгун и донцов 38 Донского казачьего полка был атакован огромными силами баши-бузуков, по нашему — головорезов. Турецкие баши-бузуки пощады никому не давали. Кто отстал, кто ранен. — судьба одинаковая: — «секим башка» — «голова долой».

38-го Донского казачьего полка, Мечетинской станицы, казак Григорий Сирина был ранен и лежал на земле. Рядом с ним стоял, опустив голову и печально глядя на хозяина, доморощенный его конь. Мимо Сирина проходил потерявший коня Северский драгун. Раненый позвал его:

— Земляк!.. Слышь!.. А, земляк!.. Возьми маштака моего. Пешком ить не уйдешь!.. Вон они иде!..

Драгун сел на коня и хотел взять на круп раненого. Тот покачал головой.

— Не увезешь... Замореный мой конь. Спасайся, брат, один... а за упокой воина Григория свечу поставь.

Драгун дал шпоры маштаку и ускакал. Баши-бузуки налетели на Сирина и срубили ему голову.

Знаю, что и теперь дух взаимной выручки крепок в наших казачьих частях. Потому и ценит немецкий солдат в бою казака. Знает — не обманет... Не предаст... Раненого вынесет и мертвого врагу не отдаст.

Кто воспитал вас, казачью молодежь, в этих великих заветах?.. Почему стали они вам сами собою понятны?

— Как же иначе то?

— Вот вы говорите: — «как же иначе то»?.. верно... Это говорит в вас казачья кровь. Песня матери. Тайное ее благословение. Ее молитвы о вас. Это говорит далекий слух о где-то бродящем, может быть, уже замученном и убитом отце. Память о тех словах, которые он говорил вам, еще маленьким и несмышленным, когда вы и самых слов его не понимали, но вошли те отцовские казачьи слова в вашу кровь...

Непрерывно идет воинское воспитание казака в полку. Пришли на военную службу. Надели мундир... Кажется, — просто — мундир и только. Глядишь — явилась какая то подтянутость. Стал тот — да не тот, что был. На мундире — немецкий, широко распростерший крылья, орел. Герб немецкий. Он напоминает вам, что вы вошли в состав великой Германской армии Адольфа Хитлера. Весь свет задрожал от наглого жидовского окрика. Все пало на колени. Все сдалось, все было готово утонуть в крови, в вонючей грязи жидовского на-

силія, разврата и издевательства. В эту пору мирового позора он один, Адольф Хитлер, создал национал-социалистическую Германию и повел ее против жидовского зла и насилия. Вы пришли к нему, в доблестную его армию, и он принял вас. Так гордитесь этим отличием. Будет день, когда ваш сын скажет своим детям: «мой отец служил в великой Германской армии, освободившей мир от жидов и большевиков»...

Если вы степовые казаки, вы носите шаравары с лампасом; если кавказские — черкески, шаравары с кантом при немецком мундире.

Что такое ваш лампас? Что напоминает он вам? Знаете-ли вы, что казаки надели его 143 года тому назад? Только с 1801-го года на шаравары стали нашивать лампас шириною вершок в отделке из цветного сукна. Почему-же так полюбился казакам этот лампас? Воспоминание о нем связано с самым славным военным временем казачьих побед. Когда казаки дрались с Наполеоном Бонапартом; когда узнала вся Европа, что такое несокрушимая казачья лава. Когда лучшая европейская конница ее не устояла перед казаками. Славой боев под Смоленском и Бородиным, победой у Тарутина, Березинской переправой, Лейпцигской победой, занятием Парижа вест от этих лампас. В ту пору, — Наполеона, как теперь Сталина, называли «антихристом». И дрались тогда против угнетателя европейских народов казаки заодно с немецкими войсками. Имя донского героя Матвея Платова стояло в те дни рядом с именем Прусского полководца генерала Блюхера.

— Кто знает какого цвета были лампасы у какого войска?.. Не знаете. Не приходилось слышать... И верно: в советском жидовском союзе самое имя казака было запрещено; тут было не до лампас; разве что жид наденет их и измывается над казаками... жутко и противно вспоминать.

Донцы и Сибиряки носили алые лампасы.

Уральцы и Семиреченские казаки — малиновые.

Оренбуржцы — голубые.

Астраханцы, Забайкальцы, Амурцы, Уссурийцы, Иркутские и Красноярские казаки — желтые лампасы.

Кубанские казаки имели на шараварах алый кант, Терские — голубой. Ипогда, вместо цветного канта нашивали металлический узкий кавказский галун. Кавказская черкеска и все, что к ней относится — бешмет, башлык, легкие сапоги, весь убор кавказца напоминает Кавказскому казаку его пятивековую жизнь с народами Кавказа, победы над ними, «куначество» — дружбу с ними. Общую жизнь. Общую борьбу с суровой природой Кавказских гор. Дружную работу по созиданию того Кавказа, каким восхищаются теперь и какой большевики старались разрушить.

Мундир воспитывает казака.

Можно ли в мундире быть пьяным? Надраться в «пьянке» вонючего самогону, или одуряющей рации и выйти на улицу, на народ блевать и скандалить? Какой то будет позор! И для вашего немецкого орла и для ваших лампас и для вашей нарядной кавказской черкески! О нет! В казачьем мундире казак подтянут, смел, вежлив, любезен, рыцарски честен, по казачьи правдив. Он отчетлив

От генерала добровольческих войск

Учреждено Главное Управление Казачьих Войск. Главное Управление Казачьих Войск является представительством перед Германским Командованием для защиты казачьих прав и состоит следующих членоз:

Генерал Краснов, начальник
Генерал Науменко
Полковник Павлов
Полковник Кулаков

31 Марта 1944 г.

Кестринг
Генерал от кавалерии.

О времени начала работы Главного Управления Казачьих Войск и о месте его нахождения будет объявлено дополнительно.

во всяком движении, жесте, поступке. Он молодец. Он помнит чье имя он носит. Казака своего родного войска...

Разве может Донец быть без Тихого Дона? Не моя-ли, не вапа-ли мечта напоить коня в седых волнах Дона Ивановича? 98 лет звучит донской гимн: «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон»... Сколько дум, сколько сладостных воспоминаний в его величавом напеве!

Не знаете?... Да я забыл. Казачьи песни были запрещены в советском союзе Лепина—Сталина. Жид начальник знал, что они по военному, по свободному воспитывают и учат казака. Ну, что-же вспомним. Я поставлю на граммофон пластинку этой песни-гимна, а вы послушайте и задумайтесь над нею.

29 лет тому назад 1-й Кавказский и 1-й Таманский казачьи полки Кубанского казачьего войска с 1-й Кубанской казачьей батареей с объявлением войны Турции были переброшены из Закавказского края через Персию, Макинское ханство к Турецкой границе. Потом пошли они в трудный и скучный поход в Турецкую Армению и Месопотамию. В уединении пустынь и пелюдимых гор, когда разыгралась тоска по Родине в казачьих сердцах, полковой священник 1-го Кавказского полка Константин Образцов, что называется, — «взалкал» Духом Святым в тоске по Кубани и сложил по истине Боговдохновенную песнь-гимн:

Ты Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь.

Какой в ней молитвенно строгий, изумительный напев! В этой песне-гимне то военное воспитание Кубанского казака, которое заставляет его забывать страх смерти и ведет его от подвига к подвигу.

А какой стариной стародавней веет от вашей песни, Терцы атаманы молодцы. Ну-ка споем ее... Неужели не знаете?... Да ведь и вам жид запрещал ее петь. А этой песне поболее четырех сот лет!

Не из тучушки ветерочки дуют,
Ой не дубравушка во поле шумит...

Вот так то мундиром; песней-гимном... А как хорошо было-бы каждому войску после вечерней

переключки и молитвы «Отче наш» петь и свой заветный гимн? И идет незаметно воинское воспитание казака. Зарождается в сердце казачьем горделивое чувство принадлежности к своей великой войсковой семье; к германской армии Адольфа Хитлера и высоко поднятому им победному знамени — алому с белым кругом и черною свастикою...

На погонах № и родное имя полка. Является та глубокая нежная любовь к своему полку, к боевым товарищам, друзьям — «односумам», которую так тонко и сильно выразил поэт К. Р. в стихотворении — сонете: «Полк».

— Наш полк! Заветное чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас — все так же ново
И знаменует нам и братство и семью.

С знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою...
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Лихая удаль, честь, любовь к отчизне славной,
Все благородное: отвага, доблесть, долг
К великому царю и вере православной —
В едином слове том сливаются: наш полк!

Не митинговые беседы; не «днамат»; не унылая «полит-грамота» — но мундир, войсковая песня-гимн; свой полковой или войсковой бодрый марш; свои полковые, на подвиг зовущие песни; торжественная переключка с ее молитвой и пением войскового гимна; заря с церемонией, когда трубы поют, глухо бьют литавры, гремят барабаны и наводят на воинские бодрые мысли; беседы старого казака у бивачного костра; рассказы молодежи о пережитом в боях и на походе; отречение от материального, земного: — от пьянства, обжорства и сладострастного сюсюканья с случайными девочками — вот что воспитывает воинский дух молодца-казака.

Помогает этому воспитанию муштра и строй!
Старый казак.

Исторические очерки Дона

Часть вторая

Продолжение*)

XVII.

Неудобства жизни в старом Черкасске. Попытки его перестроить. Поиски нового места для Донской столицы. Атаман Платов ставит город «на горе на горе». Взгляды Платова на казаков. Закладка Нового Черкаска 18-го мая 1805-го года. Переезд в новый город. Торжества по этому случаю.

Тесен и неудобен стал Черкасск, столица Донского войска. Окружающие его степи не давали простора улицам и площадям. В Черкасских станицах каждый казак ставил свой курень и базы при нем, где хотел. Образовались кривые и тесные улицы. Среди построек, на площадях были озера, куда жители сваливали отбросы. Летом от этого стояла в городе нудная вонь. Улицы города не были освещены и по вечерам по Черкасску было небезопасно ходить от загулявших по кабакам казаков.

Одним краем город примыкал к реке Дону. В половодье вода заливала улицы и площади. На базаре торговали на лодках, по улицам ездили на лодках. Дома стояли на высоких столбах и вдоль них были устроены узкие проходы с перилами на столбиках. В домах была сырость. Во время весенних бурь сообщение с правой, нагорной стороной прекращалось и посланцам, едущим на Кавказ и с Кавказа приходилось днями дожидаться в Черкасске, или в Аксайской, когда вода опадет и буря утихнет.

Повидавшие Петербург и заграничные города казаки подумывали о переносе столицы в другое место и об устройстве настоящего города с широкими улицами-проспектами, с бульварами и садами. Но и атаман и старшины чувствовали, как крепко за двести с лишним лет привязались Донцы к своему старому Черкасску.

Назначенный после смерти атамана Орлова, 30-го июля 1801-го года, войсковым атаманом Матвей Иванович Платов сейчас же приступил к улучшению Черкаска. В 1802 году в Войско был прислан инженерный подполковник де-Романо, которому было поручено поднять город, построить вокруг него насыпь для защиты от воды, прорыть каналы для опускания лишней воды.

Начали работы с засыпки вонючих озер. Жители подняли ропот. Им далеко было носить отбросы и негде было откармливать уток. Де-Романо составил план перестройки города — жители не хотели сносить свои курени и разрушать веками стоявшие дворы. Расчетка донских протоков и прорытие каналов стоили больших денег и работы подвигались очень медленно.

Платов решил избрать другое место для столицы и построить там казенные здания, чем побудить казаков переселяться на новые места.

Государь Александр I одобрил решение атамана и в 1804-м году для выбора места и разбивки улиц и площадей был прислан из Петербурга инженерный генерал де Волант. От войска было избрано 12 депутатов во главе с атаманом.

Подходящими местами были признаны: — Аксайская станица — лучше некуда: — высокая, просторная гора полого спускается к Дону. За Доном обширный луг с лесом, озерами, протоками и речками. Дон тут широк и глубок. Переселение удобное: — дома и имущество можно сплавить водою на баржах. Не хуже стального града Киева стала-бы новая столица Донского войска. Всем это место очень понравилось.

Смотрели еще Черкасские горы — на ветру и на юру, уютное место — ни воды, ни реки, ни леса...

Лучше Аксайской не было места.

В ту пору крепка и велика была власть атамана. Никто из атаманов не считался с войсковой канцелярией и ее ассессорами, смотрел на нее, как на свой исполнительный орган. В войско от пеней, от торговых казаков, от налогов, от продажи войсковых земель поступали большие деньги. Атаманы распорядились ими безотчетно. От этого и власть их была велика. Сказал ктонибудь грубое слово атаману — без всякого разговора: — «секи его!» и потащат в «тюгулевку» и высекут за милую душу: — «не груби атаману». Не угодил чемунибудь казак атаману — «на линию на две перемены!» и пошел казак на Кубань, или в Грузию на восемь долгих лет. Выдумал атаман устроить праздник, или скачки, которые в ту пору были на Дону любимым развлечением, нужны

деньги для того: — «взять из войсковых сумм сколько нужно!».

Матвей Иванович Платов и того более чувствовал себя полновластным. У него были связи в Петербурге. Собственнолично, своеобразным языком писал Матвей Иванович письма вдовствующей Государыне Марии Феодоровне и самому Императору Александру I, очень благоволившему к умному храброму донцу. Платов знал, что в Петербурге примут и утвердят всякий его доклад.

Платов сказал: — «поставить столицу на Черкасских горах»...

Казак до мозга костей, суровый воин Платов горячо любил свой Тихий Дон и донцов, но видел их благополучие и благоденствие не в самостоятельности, не в самоуправстве Круга, где избивали и убивали царских посланцев, но в военной казачьей славе. Испытавший с Суворовым величайшую сладость побед, рыцарик Суворова, Платов скорбел, видя, как гражданская жизнь, торговля, земное благополучие, казачья «домашность» заедают казака.

Глядя на богато убранные курени, обставленные заграничной утварью казачьи офицеры, вернувшиеся из походов, глядя на бархатом и шелком крытые кресла и диваны, на Венецианские зеркала и флорентийский хрусталь, Платов постоянно повторял:

— Мы не рождены ходить по паркетам, да сидеть на бархатных подушках; так можно вовсе забыть родное ремесло. Наше дело ходить по полю, по болстам, а сидеть в шалашах, или, еще лучше, под открытым небом, чтобы и зной солнечный и всякая непогода не были в тягость. Так и будешь всегда донским казаком. Всякое дело тогда и хорошо, пока всегда с ним, а то ты от него на вершок, а оно от тебя на аршин, и так и пойдете вы врозь: — хорош будет толк!

Выбирая место для новой столицы донского войска на Черкасских горах, на юру, без воды, в голой степи, ставя город «на горе — на горе», Платов хотел, чтобы донцы оставались всегда «донскими казаками, чтобы и зной солнечный и всякая непогода была им не в тягость». Степные ветры гуляли на просторе в Черкасских горах. Зимние бураны заносили их. Летом нестерпимо грело солнце. Вода была внизу в маленьких речках Аксае и Тузлове.

Очень не нравилось это место казакам, но с Платовым не поспоришь.

И позже — уже заслуженный герой, граф, атаман всеми уважаемый, кривился Платов, когда в своем Новочеркасске видел казачек и своих дочерей, одетых в модные французские платья, казаков в фраках и сюртуках.

Однажды, проезжая по Новочеркасску, Платов встретил двух молодых людей, одетых во фраки со светлыми пуговицами. Они остановились и поклонились атаману. Платов принял их за проезжих и спросил сопровождавшего его полицеймейстера:

— Куда проезжают эти «сипуташки»? На Кавказскую что ли линию?

— Никак нет, ваше сиятельство, — ответил полицеймейстер, — это наши донские студенты, которые учатся в Харьковском университете.

— Донские?! Как-же смеют они носить здесь «сиповский» мундир, да еще и с «гуциками»? Позови их ко мне сейчас. Коляска остановилась. Студенты подошли.

— Кто вы такие? — строго спросил Платов.

— Студенты Харьковского университета.

— Донцы?

— Донские казаки.

— Как-же смееете вы у себя на Дону ходить в таких дурацких нарядах! В первый и последний раз прощаю. Да, смотрите у меня. Покажетесь на улицах в этих вот «сиповках» — в тюрьму засажу! Когда вы на Дону — носите казачьи чекмени!

С таким атаманом, да еще поддержанным из Петербурга самим Императором, спорить и прекословить не приходилось. Весною 1805 года было приступлено к разбивке улиц и планировке казенных зданий. Улицы проводились прямые и широкие, просторно ставился город, «по европейски». Из Усть-Бело-Калитвенской станицы сплавляли в Аксайскую для города серый камень. Тысячи казенных рабочих из донских крестьян (иногородних), сотни землемеров, каменщиков, плотников, садовников и землекопов были согнаны на место постройки. Насаждали деревья бульваров, садили сады, рассаживали кусты, как то видел Платов в Петербурге и за-

*) См. №№ 17—22 «На Казачьем Посту».

границей. За работами наблюдали инженерный капитан Ефимов и войсковой строитель Бельтрами. В апреле из Заплавской и Кривянской станицы были потребованы плуги и продолжены борозды, обозначающие улицы. Места домов наметили кольями.

18-го мая, в день праздника Вознесения Господня, была торжественная закладка города. От тридцати ближайших станиц прибыли станичные атаманы и служилые казаки с станичными знаменами. Все генералы и офицеры войска съехались на место закладки. У временной деревянной часовни с колокольной было отслужено молебствие; после него торжественным шествием прошли к тому месту, где теперь стоит собор, у крутого спуска, на вершине горы и там был установлен врытый в землю кирпичный ящик. В него Платов и епископ Воронежский и Черкасский положили серебряную доску с надписью:

«Город Войска Донского, именуемый Новый Черкасск, основан в царствование Государя Императора и Самодержца Всероссийского Александра Первого, лета от Рождества Христова 1805 года, мая 18 дня, который до сего существовал двести тридцать пять лет при береге Дона на острове, от сего места прямо на юг, расстоянием в двадцати верстах, под названием Черкаска».

На обороте доски был изображен новый герб войска Донского.

После закладки собора заложили церковь во имя св. Александра Невского, Гостиный двор, войсковую канцелярию и гимназию.

По окончании закладок и благодарственного молебствия, во время которого стреляли из пушек и ружей, было народное гулянье. По Задонью, где станом стояли съехавшиеся на закладку казаки горели костры, там пускали ракеты и Римские свечи и горели фонари иллюминации. Там были поставлены бочки с вином, подле них гуляли казаки и далеко за полночь по луговым просторам задонья раздавались дружные казачьи песни.

Через год, 9-го мая 1806-го года, — состоялось перевезение знамен и войсковых регалий и дел Войсковой канцелярии из Черкаска в только что отстроенное новое, строгого Александровского стиля, здание в Новом Черкасске.

Платов обставил это самым торжественным образом. По отслужении в Старо-Черкасском соборе литургии и молебствия при громе 51 выстрела с крепостных Черкасских валов, атаман, сопровождаемый знаменами и регалиями, конными и пешими казаками станиц от Грушевской и Мелеховской до Кочетовской и всех Донецких, а от остальных станиц по три старика и по три выростка от 13-ти по 16-ти лет — громадным многотысячным шествием спустились к Донским пристаням, где ожидали лодки.

Впереди на богато разукрашенных и убранных коврами лодках поплыли вверх по Дону знамена, духовенство, регалии, за ними следовали атаман, генералы и офицеры, дальше представители Старо-Черкасских станиц, Бессергеновской, Заплавской, Маноцкой, Богаевской, Александровской, Гниловской и Аксайской, потом шли лодки с директором гимназии и гимназистами, с учениками приходского училища и дальше остальные казаки и гости. У Аннинской крепости с лодок началась пальба из ружей, из крепости грянул 31 выстрел.

Жаркий, ясный, солнечный, подлинно праздничный был день. По всему широкому разливу Донскому полыхали выстрелы и неслось с лодок мерное красивое пение молебнов.

Когда стали приближаться к Новому Городу — с горы раздалась пальба собранной там казачьей артиллерии. Шествие из Аксая направилось по Крещенской улице вверх к месту, где был заложен собор, потом по Платовскому проспекту, установленному рядами войск к Войсковой канцелярии, там сдали в канцелярию знамена и регалии.

На другой день утром состоялась церемония Войскового Круга. Днем был обед всем казакам, съехавшимся на торжество. Пели песельники. В семь часов вечера на особом поле за городом состоялись первые скачки в городе Новом Черкасске. Скачка была на семь верст с многими препятствиями: — плетнями, валами, канавами и оврагами. Пришедший первым получил большую серебряную, вызолоченную кружку с надписью:

«Победителю скачки месяца мая 10-го дня 1806-го года».

Второй и третий получили серебряные позолоченные стаканы с надписью:

«В утешение последних, чтобы знать о доброте их коней».

Всем участникам скачки было предложено угощение с «выпивкой и звездкой».

Гулянье у атаманской ставки, музыка и песни продолжались почти всю ночь.

Нерадостный и невеселый вид имел новый город. На Платовском проспекте — кое где стояли маленькие деревянные лавочные ларьки, два, три дома, отделенных один от

другого на сотни саженой. Перед ними шла широкая немощенная, развезенная колеями улица. Везде валялись груды мусора. Вдали, на площади, были навалены камни для будущего собора. Одиноко стояли: здание войсковой канцелярии, большой каменный дом с колоннами и огромным балконом Семена Курнакова и небольшой дом атамана Платова, с двором, на котором был насыпной курган: в стороне виднелся остов начатой постройки гимназии — вот и весь город.

Не прошло и года, как работы приостановились. Начался ряд войн. Атаман Матвей Иванович Платов, оставил за себя наказного Атамана Адриана Карповича Денисова, ушел с казаками в далекие походы ковать мировую славу донским казакам и себе самому.

Новочеркасск стал заселяться и застраиваться, как следует, только после войны с Наполеоном, когда вернулся на Дон Платов.

XVIII.

Станичная жизнь. Казаки хотят оставаться казаками. Одежда казаков и казачек. Рождение казачьего сына. Подарки «на зубок». Воспитание молодого казака. «Малопетки». Военные игры.

Заграничные походы, начало народного образования на Дону, развивавшаяся торговля и промысл, садоводство и земледелие, а более того широкая Русская жизнь, уже заглянувшая только, как то было раньше, но тесно обступившая Донское войско и, конечно, православная церковь, ставшая в каждой станице, изменили внешний вид Донских станиц и хуторов, но не сломали внутреннего быта Донского казака.

Курени обвесились черешневыми, яблоневыми и грушевыми садами. Где только было можно, по южным пристенкам крутых донских берегов и балок, высоко «кустами» поднялись виноградники. На станичной толоке было полно скотом и овцами. В степи паслись казачьи станичные табуны и каждый казак стремился получить из старшинских табунов хорошего производителя.

В беленых глиной куренях было чисто. Появились там заграничные, из походов привезенные предметы — где затейливые часы, где швейцарская гармоника или немецкая скрипка, где резной баварский ларец.

Кубанская линия отошла на восток к Кавказским горам. Там жили Кубанские казаки. Ничто не угрожало станицам. Валы осыпались, рвы сравнивались с землей, засеки были сняты. Безмятежно и спокойно становилось на Тихом Дону.

Но казаки оставались казаками. Их учили этому отцы и деды.

Отец знаменитого Донского атамана графа Платова, войсковой старшина Иван Платов, отправляя тринадцатилетнего сына Матвея урядником на службу напутствовал его:

— Смотри, Матвей, служи Государю и Тихому Дону примерно. Помни меня. Из простых казаков дошел я до чина войскового старшины — храбростью, да примерно службою. Береги отцовские обычаи — будь казаком... Уповай на Господа Бога и Он тебя не оставит. Слушай начальников. Будь внимательным к равным тебе, снисходителен к низшим и строг более всего к самому себе. Но помни всегда: никогда, Матвей, и думать не моги забыть наш Тихий Дон, вскормивший и взлелеявший тебя!... Аминь!...

Платовский завет был общим казачьим заветом всех Донцов. Такими, или подобными словами каждый казак-отец напутствовал сына на службу.

Дома, в станицах, казаки носили форменные чекмени, или кафтаны синего сукна, шаравары с алыми лампасами, высокие сапоги и барашковые папахи. Одеваться в праздник в форменную одежду, носить щегольские сабли или шашки, украшенные золотом и серебром, надевать ордена и медали, старые кивера, было в обычае. Сабля хранилась из рода в род, переходила от отца к сыну, от деда к внуку. Ее украшали, вешали под образа, на почетное место. Почетом пользовалась и пика. Называли ее «дончихой». В порядке содержалось старое дедовское ружье. И еще долго стрельба из лука была любимым развлечением в станице.

Казачьи дома носили повойник и кубелек. И тот и другой из простого черного сукна. В праздник казачки надевали повойник из парчи, на повойник повязывали платок, к которому прикалывали цветы, или разноцветные страусовые перья. Носили еще собольи шапки, вышитые жемчугом, алмазами и яхонтами. Из под шапки, по старинному, свешивались на лоб чикилики — кружево, вышитое жемчугом. Поверх рубашки и турецких шальвар, надевали кубелек — длинное платье, украшенное под мышками пастрами, по поясице уперами, на груди напичкэм. Кубелек застегивался жемчужными или золотыми пуговицами, имевшими форму груши. При выходе из дома богатые казачки надевали поверх кубелька карван. Казачки носили ожерелья,

из камней или, чаще, из золотых и серебряных монет, браслеты из золота и жемчугов. Жемчуг был любимым украшением женщины на Дону. На ноги обували легкие туфли.

Так одевались в станицах. В Новочеркасске только лишь старые казачки блюли одеяния своих бабушек. Молодые при атамане Иловайском 3-м (1821—1826) стали носить французские платья и на Дону появились первые портнихи из Москвы и Варшавы.

Когда в семье рождался сын — он рождался воином. Его не называли мальчиком, но казак, казачьим сыном.

Новорожденному на зубок — родные, друзья, знакомые, однохуторцы и однополчане отца приносили подарки и подарки эти всегда были какой-нибудь военный предмет: патрон пороха, стрела, лук, пуля. Дед дарил свою шашку, или ружье. Дареные вещи развешивались по стене в той горнице, где лежала мать.

Когда, по истечению сорока дней мать с сыном возвращалась из церкви, их встречал отец. На дворе держали лошадь. Отец брал сына на руки, надевал на него саблю, сажал на лошадь и подстригивал ножницами волосы в кружок. После обряда он возвращал сына матери и поздравлял ее с «казак».

Когда у младенца прорезывались зубы, отец садился верхом, брал сына на руки и ехал с ним в церковь, где служили молебен Иоанну-воину о том, чтобы сын был храбрым казак.

Трехлетние казачата ездили верхом по двору, а пяти лет скакали, отводя коня в табун.

Сердце матери замирало от страха. Губы испуганно шептали:

— Болезнький ты мой!... Казак ведь!... Казак!...

А у казаченка, ловко сидящего на отцовском копе, глаза горят. Весь дышет отвагой и в маленькой головенке жажда подвигов и казачьей удали.

17-ти лет — он малолетка. Он в строю. Малолетки собираются на смотр. Скачка. Стрельба в цель. Стрельба в цель с коня на всем скаку. Рубка шашками. Флапировка пиками. Разгоревшись отвагой целые станицы малолетков с полного разгона, с крутого яра кидались в реку и плыли на другой берег с лошадыми, в амуниции и с пиками. Они рассыпались лавою, скакали друг против друга, схватывались в объятия и боролись на конях. Они лихо джигитовали.

Как сто и двести лет тому назад зимою строили из снега крепость, водружали знамя и атаковали на конях и пешком.

— Чего не могу?! Все могу!! — задорно кричал малолетка и мчался в самую кипель боя, навстречу туче снежков.

Кто их учил?.. Никто. Старый урядник, казак, а чаще отец — он ведь тоже казак, — покажет прием и прием уже на лету схвачен. Один перенимает у другого. Один спешит показать другому.

— Э! да не так! Ить вот как надо-ть! Мне падысь батани показал. В ту пору — влюбиться в женщину, грезить о девушке?.. Какой стыд!..

... — Это горе — нам не в горе,
Не привыкли этак жить,
Чтобы по ветренной девчошке
Тосковать и тужить...

Девушки-казачки, не знавшие рабства крепостных и неволи боярских теремов, свободные, ловкие, мало в чем уступавшие братьям, любясь играми казаков, слушая их песни, танцуя с ними, даря им за лихость цветы и ленты, угощая их стаканом вина или меда, любили их всех, любили казачество, молодцов казаков своей станицы. Влюбиться в кого-нибудь, показать свое чувство — какой срам для девушки-казачки!

(Продолжение следует)

П. Краснов

Донские калмыки

Судьба малых народов никогда не бывает вполне счастливой и безмятежной, в бурные же моменты человеческой истории она становится поистине трагической. Грозные события в своем сокрушительном шествии нередко стирают малые народности с лица земли, выживают же только наиболее выносливые и стойкие духом.

К числу последних, бесспорно, принадлежит и небольшой калмыцкий народ. История его заполнена многовековыми скитаниями по лицу земному, в результате которых он докатился из степей Монголии до берегов Атлантического океана. Начало беженской эпохи калмыков восходит к первой половине XVII века, когда распался Ойротский союз в центральной Азии. Тогда 50.000 семей под предводительством тайши Хо-Ойрлука покинули Чжунгарию и заняли под свое кочевье низовья Волги. Вторая волна калмыцкого народа — 3.000 семей во главе с пайоном Кенделенг-Овши — ушла в 1672 году на присоединение к прикаспийским калмыкам. Эта эмиграция вызвала была неудачным военным столкновением с китайцами, которые вырезали около миллиона калмыков.

Следующая эмиграция, третья по счету, произошла в 1676 году. Тогда ушло из монгольских степей 3.000 семей, которые также осели в Приволжье под началом Дорука Работана. В 1758 году — четвертый исход из Монголии 5.000 калмыков во главе с Шаренг — нойоном, также на присоединение к приволжским калмыкам.

Незадолго до этого, в 1724 году, нойон Дондок-Омбо с 10.000 калмыков покинул пределы тогдашней России и поселился за Кубанью. Шестая по счету эмиграция носила тот же характер: весной 1771 года волжские калмыки в количестве 33.000 семей неожиданно снялась с насиженных мест и двинулись через Урал и киргизские степи сначала к о. Балхаш, а затем в Чжунгарию, где они отделились в подданство китайского императора. Не тронулись в обратный путь только те калмыки, которые жили на правом берегу

Волги и не могли присоединиться к прочим по случаю разлива рек.

Заволжские, донские, ставропольские калмыки — потомки этих «оставших» («хальмак» или «калмык» от тюркского «калмак» — «отделиться», «отстать»). В других местах поселения калмыцкого народа наименование «калмык» неизвестно.

Калмыки, принадлежащие к западной ветви монголов, подразделяются на четыре основных племени: чжунгаров, тургутов (торгоутов), холнотов и дурботов (дурбетов). Все они известны у монголов под общим названием элютов или дербен-ойратов («четыре соседа»). Наши калмыки, по всем данным, потомки тургутов. Из них состоял авангард калмыков, достигший Волги в 1630 г. под предводительством тугутского тайши Хо-Ойрлука.

Численность калмыков, оставшихся в пределах России после ухода 33.000 семей весной 1771 года, не превышала 5.000 семей или кибиток. Звание калмыцкого хана было уничтожено. Однако при императоре Павле I нойону Чучею Тундутову был опять пожалован титул наместника ханства. Тогда же калмыцкому народу были дарованы в вечное владение земли от Царицына по Волге, Сапре, Салу, Манычу, Куме и взморью. Но со смертью Чучою Тундутова, в 1803 г., самостоятельность правления калмыцких нойонов миновала, и калмыки подчинены были ведомству астраханского губернатора, причем национальная культура калмыков оставалась в неприкосновенности.

Как ни скромна была обстановка, в которой протекала жизнь калмыка, он все же мог гордиться весьма славной и продолжительной историей монгольских народов. Из обширных, песчаных областей Центральной Азии предки его неоднократно проникали в самое сердце нашего материка в роли победителей. Под конец средних веков монгольская империя была значительно шире того круга, который никогда не был очерчен римским мечом. Этот сын пустыни, в недавнем прошлом непритязательный кочев-

ник, тем не менее всегда отличался от своих соседей-номадов своим умственным развитием; он имел собственные письмены, литературу, а ламанизм быстро смирил его воинственные наклонности. Вероучение это было воспринято калмыками еще в период пребывания их в Чжунгарии. В эту пору калмыцкие ламы получали свое образование в Тибете и на тибетском языке отправляли все религиозные обряды. Ламанизм воспитал в калмыке дух смирения и покорности судьбе, ибо «человеческая жизнь от рождения и до смерти — это лишь краткий и жалкий эпизод, появляющийся из вечности и уходящий в вечность. Нет бытия без страдания — нет страдания без бытия. Быть и страдать одно и то же. И то и другое безначально»...

В последнюю четверть 18-го века из волжских степей от главной массы калмыцкого народа отделилась небольшая часть под предводительством нойнов Бока и Дукгара и ушла на Дон. Так было положено начало донских калмыков, которые указом императора Александра I были объявлены донскими казаками. Место поселения донских калмыков называлось сначала калмыцкими кочевьями или землями калмыков, а позже — Сальским округом. С той поры калмыки живут своими станицами в сальских степях, как полноправные донские казаки. Вместе с казаками они делят все тяготы казачьей жизни, а слово «казак» всегда звучало для калмыка не менее внушительно, чем римское «цивис романус» — «римский гражданин».

К началу европейской войны (1914 г.) было 13 калмыцких станиц. Калмыки уже стали оседлым населением, земледельцами, но с развитым животноводством. Отличные постройки, сельско-хозяйственные орудия, машины, фруктовые сады, питомники и т. д. были принадлежностью калмыцкого хозяйства. Оно стало на прочные ноги. В станицах появились кооперативы. Количество грамотных широко возрастало. Было не менее 40 школ. Интеллигенция состояла из народных учителей, небольшого количества офицеров. Всего же калмыков было на Дону от 32 до 35 тысяч человек обоего пола.

В начале 1918 года на Дон пришли большевики, неся с собою насилие, смерть и проклятие. Паряду с людьми гибли и калмыцкие сулье (храмы) и хурулы (монастыри). На кострах сжигались монастырские библиотеки и немало листов священных книг и старинных рукописей носило ветром по степи. Чтимые изображения разбивались, уродовались, расхищались. Когда восстало донское казачество, с ними поднялись и калмыки. С тех пор до самого падения Крыма вместе с казаками, в составе казачьих или калмыцких полков, они вели героическую борьбу с большевиками.

Великий исход из России создал в числе прочих калмыцкую эмиграцию — седьмую по счету за последние три века. Три тысячи с небольшим калмыков покинули родные пределы и осели в различных странах: в Турции, Сербии, Болгарии, Чехии, Польше и Франции. Среди очутившихся за границей калмыков оказалось почти все сколько-нибудь заметное, выдающееся и здоровое в калмыцком народе. Началось нищенское, бесправное существование на европейских задворках. Но калмыки не любят жаловаться ни не умеют просить. Они не ходят с протянутой рукой и не выставляют на показ свои язвы и нищету...

В Сербии калмыцкая колония основалась в одном из пригородов Белграда — «Мокрый Луг». Крупным событием в монотонной жизни калмыцкой колонии в Сербии было сооружение большого каменного хурула, первого и единственного на Балканах буддийского храма. Слава о нем докатилась до Дальнего Востока. Буддийское общество в Токио прислало калмыкам для этого храма огромную бронзовую статую Будды.

Во Франции калмыки работали до последнего времени на заводах Парижа, Лиона, Монтаржи, Южине, Ромба, Парей-ле-Мониаль и т. д. Здесь существует Обще-калмыцкая станица, правление которой помещается в предместьях Парижа — Жуанвиль-ле-Пон. И в эмиграции калмыки тесно связаны со своими станичниками и с казачьими организациями.

Оказавшись за границей в чуждой, нередко враждебной среде, калмыки продолжают соблюдать свой религиозный уклад, свои обычаи. Браки в калмыцких семьях совершаются между соплеменниками. Однако недостаток невест приводит к тому, что все чаще имеют место случаи женитьбы молодых калмыков на русских, сербках, польках, француженках. На чужбине выросло уже новое калмыцкое поколение, не знающее привольных степей. Эта молодежь — рассадник будущих культурных, общественных и политических деятелей. Уже сотни молодых калмыков получили за границей среднее и высшее образование создав, таким образом, кадры калмыцкой, европейско образованной интеллигенции. Одно из первых мест в ней, бесспорно, займет потомок владетельного калмыцкого рода, молодой князь Николай Данзанович Тулдутов, получивший высшее образование в Париже.

Победа большевиков в 1920 году принесла неисчислимые бедствия калмыцкому народу. Неудивительно что калмыки ждали прихода немецких войск как своих освободителей. Еще до прихода их они начали партизанскую борьбу в тылу красных. Позже, плечо к плечу с немецким солдатом, в борьбе с большевиками приняли участие десятки калмыцких конных эскадронов, комплектованных исключительно из добровольцев.

Вместе с отходящими немецкими войсками добровольно ушли почти все калмыки. Один этот факт красноречиво говорит о непримиримости калмыков к большевизму. Никогда еще в истории народов не наблюдался факт добровольного ухода всего населения вместе с отходящими вражескими войсками! Сейчас калмыцкий народ переживает восьмую беженскую одиссею. Страдания его беспримерны. Народ рассеян по всему свету, а хозяйство его разорено окончательно. На калмыцкой степи вновь свирепствует красная печаль, добывая оставшихся.

Но сила народа познается в несчастьи.

«Нас мало. Наш народ беден. Силой и богатством мы похвалиться не можем. Наше оружие в борьбе за жизнь — моральная безупречность», — говорит один из руководителей «Хальм Тангчин Туг», — национального общенационально-политического органа калмыков.

Благодаря этой безупречности и моральной стойкости, калмыцкий народ не потерял в беде ни своего достоинства, ни образа человеческого. Эти же качества позволяют ему сохранить свои живые силы и донести их на родину с верой в будущее возрождение калмыцкого народа.

Вл. Абданн-Коссовский.

Почтовый адрес журнала

«НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ»:

Schriftleitung „Kosakenposten“

F. P. Nr. 02306

В Балкан —

Борясь против банд Тито, немецкие солдаты дружески беседуют с мирными жителями

*

В огне и дыме сражения

Артиллерия преодолевает горы Далмации

ских горах

Хорватский стрелок в Герцеговине

*

Тяжелый поход по горным вершинам Боснии

Горные стрелки преследуют бандитов в Хорватии

Лбищенский рейд

Из эпохи гражданской войны 1919 года

Всю весну и лето 1919 года маленькая героическая армия Уральского казачьего войска провела в тяжелых изнурительных боях с Красной армией. Если при одинаковой технике вопрос резервов играет, в любой войне, решающую роль, то как раз вопрос резервов для Уральских казаков был исключительно острым, если не сказать катастрофическим. В то время, как у уральцев сначала 1919 года все мужчины были мобилизованы, и уже не оставалось никого в запасе, в Красную армию беспрерывно притекали все новые и новые пополнения. Так из Иваново-Вознесенской области пришел Ивано-Вознесенский коммунистический полк в древне-русских шапках с шишаками и пятиконечными звездами. Странно, что интернациональная идея нашла свое внешнее оформление в виде древнерусского шишака. Волга, Пензенская, Саратовская, Самарская губернии, Москва — непрерывным потоком посылала все новые и новые полки бойцов в Уральские степи.

1919 год — это год величайшей трагедии и славы Уральских казаков. Весной Уральская Казачья Армия была на краю гибели. В феврале, марте фронт находился перед Мергеновым, — это примерно 250—270 км. ниже Уральска. Надо иметь некоторое представление об Уральской области, чтобы понять, что это значит. Уральское казачье войско экономически и географически разделялось на три линии: Верхнюю, идущую вверх по Уралу, — по преимуществу — линию хлебную и скотоводческую. В Россию больше всего пшеницы шло с Верхней Линии. Средняя или Степная линия — линия идущая в сторону Чижей I и II-й и Соболевской станицы — к границам Самарской губернии. Это линия по преимуществу скотоводческая. Самые многочисленные стада овец, коров, конские табуны Овчинниковых, Масыновых, Карповых, ходили в Чижинских и Дюринских разливах. Нижняя линия — это линия рыболовецкая и скотоводческая. Уже примерно за станцией Сахарной хлеб не сеяли, а жили исключительно рыболовством. Скотоводство играло не главную, а подсобную роль.

Сена для скота хватало только в хорошие годы. А чуть засуха — скот кормили камышом, ветками и тогда большое количество поголовья пропадало. В низовых станицах понятия не имели о посевах зерновых, разве за исключением неприхотливого проса. Была в ходу даже шутка над Низовыми казаками: муж говорит жене: «Купи-ка, Дарюшка, мучицы, весной мы с тобой хлебец поседем». Но зато это были закаленные, истинные рыболовы.

И вот весной 1919 года все Уральское войско, со всеми стадами, многочисленными беженцами, со всей армией, под напором красных, было сдвинуто в безводные, чахлые степи Прикаспийской пустыни. Ставка красного командования была такова: «Не хотите сдаваться — все равно подохнете на Низовой линии от голода». И это было ужаснее, нежели гибель в открытом бою. Если бы Уральцы еще пробыли на Низовой линии 2—3 месяца, то их гибель считалась бы несомненной. Но наступление Колчака весной 1919 года спасло Уральских казаков от гибели.

Затем идет тяжелая, изнурительная 72-х дневная осада Уральска летом 1919 года. В Уральске засела 22-я дивизия Сапожкова, соперника Чапаева. Сапожков имел не меньшие заслуги, но он восстал в 1920 году против Со-

ветской власти, был разбит со своими единомышленниками и преждевременно сорвал свою карьеру.

Уральск все равно бы пал, если-б не Чапаев, подоспевший во время со своей 25-й дивизией. Дивизия пришла с Уфы после жестоких боев с Колчаком.

Войдя в Уральск летом 1919 года, Чапаев, с присущей ему энергией навел мост через Чаган и начал жать Уральских казаков к Каспийскому морю. Вторая половина лета прошла в упорных боях. Каждую станицу, каждый хутор приходилось брать в лоб. Многочисленная, подвижная конница казаков исключала возможность глубоких обходов и рейдов со стороны красных, у которых была хорошая пехота, но не было хорошей конницы. По вот к Чапаеву с Кавказа прибыли «красные кубанцы». Казаки столкнулись с казаками. Но все же, несмотря на существенную помощь, главную роль в Чапаевском нажиме играет пехота 25-й дивизии, состоящая преимущественно из мужиков Самарской и Саратовской губерний, часть Симбирской и Пензенской. 25-я дивизия с Чапаевым во главе была старым заклятым врагом уральцев. Обе стороны по упорству и искусству в боях были достойны одна другой.

Хоть медленно, но все же к сентябрю 1919 года Чапаев сумел продвинуться километров на 300 ниже Уральска. Штаб фронта и дивизии был в городе Лбищенске (240—250 км. от Уральска), фронт находился между станцией Сахарной и поселком Каленым (300—310 км. от Уральска).

С потерей каждой новой станицы, поселка, хутора, — положение уральцев становилось исключительно тяжелым. Посевы пшеницы, овощей, лучшие пастбища, огромные гурты скота, — все оставалось в руках большевиков. Впереди — редкие станицы, солончаки, скудная растительность, даже воды здесь мало, — хутора расбросаны на большом расстоянии один от другого. Стоят на колодцах. Воды не хватает не только лошадям, но и людям. Под Мергеновым пехотная бригада красных пошла в обход левого фланга казаков. Заняли маленький хутор Усов. Стоял жаркий августовский день. У бойцов пересыхало в горле. Дрались за каждый котелок мутной воды, смешанной с грязью. Операция красных по охвату левого фланга казаков, провалилась.

Вся сила уральцев была в их подвижной коннице, обладавшей большой маневренностью. Но для конницы начались черные дни. Если люди, еще как нибудь, могли существовать на запасы, вывезенные на Низовую линию, то кони не могли существовать без воды и травы. Было тяжело и красным и казакам. Но за спиной красных были хлебобродные казачьи станицы, а за спиной казаков, — голая Прикаспийская пустыня, пески, солончаки и Каспийское море.

Перед атаманом Толстовым была тяжелая задача. Отступить к Гурьеву, а потом через Каспийское море соединиться с Добровольческой армией. Но чтобы соединиться с Добрармией надо пройти от Гурьева до форта Александровска 500 километров по мертвой пустыне, лишенной пресной воды и растительности. А это значит потерять все имеющееся поголовье и большую часть людей, что было смерти подобно. Или надо было, собрав последние силы, мобилизовав всю решительность офицеров и казаков, рвануться вперед, нанося удар красным в самое чувствительное место.

Было над чем подумать. По ночам не одна казачья го-

лова не спала, начиная от рядового казака до самого атамана.

★

В конце августа 1919 года станица Сахарная была взята лобовым ударом. Густые цепи 25-дивизии входили в станицу. Казачья пехота и спешенная кавалерия, держа коней в руках, отходила на поселок Каленый, — в 12 км. от Сахарной.

В числе других отходил и молодой хорунжий — Николай Мякушин — к-р 3-й сотни 3-го Чижинского партизанского конного полка. Своего серого мастика он вел в поводу. 3-й Чижинский полк сплошь состоял из одностаничников. Возник он из Чижинского партизанского отряда в 1918 году, впоследствии был переформирован в полк 3-х сотенного состава. В 1-й и 2-й сотнях служили отцы, дяди и другие родственники старшего поколения, в 3-й сотне были их сыны, племянники — молодежь.

Николай остановился и глянул: неподалеку — станица Сахарная, на сколько хватает глаз — вся степь покрыта отступающими казаками. Казаки отходят разрозненными группами. Вечернее солнце освещает степь. Артиллерия красных открыла бешеный огонь. Там и здесь, среди отступающих, взлетают черные столбы разрывов. Казачьи пушки слабо отвечают на энергичный натиск красных. Чувствуется — красные открыли сумасшедшую стрельбу не потому, что хотят нанести большие потери, — как раз отступающие цепи казаков не имеют большого урона, — а просто хотят произвести наибольшее моральное впечатление, подавить последнюю волю казаков к сопротивлению.

Средних лет казак-фронтвик останавливается с конем, смотрит в сторону Сахарной:

— Я на германской был и то редко приходилось такой огонь видать. Значит у него снарядов в досталь, что он под каждого кладет... Казак молча смотрит, качает головой. — Трудно с таким воевать...

Другой добавляет:

— Их сила, а нас гореть... Рассея... Видал как комиссар в Сахарную въезжал? По нему бьют, а он в коляске сидит — хоть бы что...

— Должно быть русский, — еврей не поедет так...

— Уж это бесприменно...

Николай слышит их слова. Ему вспоминается картина боев последних дней. Они простояли трое суток на правом фланге Сахарной — в лесу — к Уралу. Была каждый день перестрелка с красными. Ночью выставляли посты вперед. На третий день полковая кухня попыталась подъехать, но красные обстреливали ее беглым огнем и казак, нахлестывая верблюда, едва убрался с открытого места в кусты. На третий день особенно энергично заговорила артиллерия с обеих сторон. Большевики все хотели наступать казачьи батареи, стоящие в яру за Сахарной.

Потом как то сразу артиллерийская стрельба замолкла, но зато с каким то захлебывающимся пенствством заговорили винтовки и пулеметы. И это еще больше взвизгло натянутые нервы. Потом стрельба прекратилась, слышались разрозненные винтовочные выстрелы и короткие пулеметные очереди. Видно было, как по бугру к Сахарной потянулись люди, редкие повозки, конные. Кто то из казаков сказал:

— Да ведь это красные... Сахарную занимают...

У Николая мелькнула опасливая мысль:

— А вдруг ударят во фланг от Сахарной?... Отрежут... Потом прискакал казак. В его глазах метался пенуг.

— Приказ отступать... Красные входят в Сахарную...

Николай помнит, как он скакал по лесу через кочки, кустарник, болотца... Пехотницы цеплялись за стремяна, чтобы поспеть за конными. Когда опасность миновала — вышли в степь. И тут он увидал, что до сих пор их было в лесу очень немного, им овладевало иногда чувство заброшенности, оторванности от людей, а теперь вся степь была покрыта отступающими и это его успокоило, они были не одни — их много. В это время красные открыли ураганный огонь. Но это его не страшило, как в те минуты, когда они, небольшая кучка людей, были в лесу. Сейчас в эти минуты, он с особой силой ощутил живительное, бодрящее чувство коллективной близости.

Николай Мякушин вышел на дорогу, идущую на Каленый. Впереди заметил два автомобиля на дороге. В автомобиле стоял средних лет плотный, крепко сложенный человек. Он внимательно смотрел в бинокль в сторону Сахарной, туда, откуда неслись снаряды красной артиллерии.

— Атаман Толстов... — проговорил рядом идущий казак.

Николай остановился. Вскользь, чтобы это не бросалось в глаза, рассматривал атамана, о котором одно время так много говорили в войске.

Подле атамана стояла группа офицеров его штаба. Ничего особенно примечательного в фигуре атамана Толстова не было. Видно было прежде всего, что это физически крепкий мужчина.

Атаман Толстов прогремел на все Уральское войско в конце 1917 года. В период всеобщего разложения, когда все бежали с фронта, бросая оружие, загружая транспорт, атаман Толстов прошел с отрядом Украину, Волгу, под Астраханью помог астраханскому атаману Сережникову драться с большевиками, а самое главное привез в Гурьев до 8-ми орудий со снарядами. По тем временам это был, без сомнения, большой подвиг. Этот подвиг и выдвинул есаула Толстова в генералы, а потом и в атаманы Уральского казачьего войска.

Сам по себе атаман Толстов не оставил такого следа в истории гражданской войны, как скажем атаман Дутов, атаман Краснов. Это был типично боевой казачий офицер без широкой политической и военной подготовки. О нем никогда не говорили, как о хорошем ораторе, каким был например «донской Златоуст» Митрофан Богаевский, или как о писателе, подобно атаману Краснову, но казаки о нем говорили, как об отчаянном храбрце. Повидимому это было в свое время учтено в ставке Деникина, почему из Добармии были присланы один генерал (фамилию не помню), а в качестве начальника штаба Уральской Армии артиллерийский полковник академии Генерального Штаба — Моторный. Умный энергичный человек, оказавший большие услуги уральским казакам своими обширными познаниями военного дела. За свои заслуги он был принят в Уральские казаки с изменением фамилии — в Моторнов. Впоследствии при отступлении казаков из Гурьева, большевики захватили его в районе форта Александровск, о чем было сообщено в «Известиях» в начале 1920 года.

Николай впервые видал атамана. На нем была простая военная форма: защитная фуражка с широкими полями и офицерской кокардой, защитная гимнастерка, спине казачьи галифе с малиновыми лампасами, хромовые легкие сапоги. Чувствовалось, что этот человек хорошо владеет собой в бою. Атаман иногда отрывался от бинокля, внимательно осматривал отступающие казачьи цепи и указывая рукою на поле боя, с чем то говорил полковнику Моторнову.

Отстоять дальше неподалеку от атамана было неудобно

и Николай Мякушин пошел с казаками по направлению к Каленному.

★

Капонада закончилась. Лишь изредка на передовых постах слышались редкие выстрелы. Над стенью спускался осенний вечер.

3-й Чижинский полк расположился на изгибе Урала в редком лесочке, неподалеку от Каленного. Следовало подумать о коне. Трава была совершенно выбита копытами многочисленного скота. Здесь еще раньше, подобно саранче, прошли беженцы. Молодые ветки кустарников и деревьев — съедены. Даже охапки травы нельзя набрать, до того выбита почва.

Оставить коня голодного — это самое последнее дело для казака. Еще от дедов ведется: «сам будь голоден, а коня накорми», «добрый конь подо мной, так и Бог надо мной». Такова уж казачья традиция: сам будь голоден, а коня накорми. Николай спустился с обрывистого яра к реке. Казак-фронтвик пил пригоршнями воду:

— Эх и вода же... Во всей Европе такой не найти... За что и воюем!...

В этих немногих словах сказались заветная казачья думка о родной земле. Казак помыл голову, лицо, вытянул завязшие в иле ноги и начал взбираться на крутой яр.

На западе небо окрасилось в розовые тона. Солнце садилось. Казаки мылись в Урале, черпали воду, весь берег реки, на сколько хватал глаз, был занят казаками. Далеко неслись звонкие крики, хохот над вечерней рекой. Кто то затянул песню. Над яром вспыхнули огоньки: варили кашу, мясо, чай, кто что мог. Нельзя было подумать, что эти люди всего два часа назад были под ураганным огнем, смотрели в лицо смерти. Неунывающая казачья натура, — в ней всегда Николай черпал силу. Весь уклад казачьей жизни учил его быть бодрым, веселым, — не унывать. — «Чего ты нос повесил, размяк? Что ты баба? А еще казак...» Казак никогда не должен падать духом — это он слышал с малых лет.

Николай крикнул сверху вестового Митю. Тот пытался что нибудь найти для лошадей, но все его старания были напрасны.

— Посмотри мое белье, а я поплыву на ту сторону.

— Чего?

— Как чего?, — а лошадей чем кормить? Поплывем?

— Я не умею...

— Не умею... Эх ты мужик — кругом брюхо...

Николай вошел по пояс в Урал, поежился от охватившей его вечерней прохлады, помочил под мышками и оттолкнувшись от берега поплыл. Он вырос на Урале, пла-

вал легко и свободно. К воде его всегда тянуло и воды он не боялся.

Митя-ординарец был из пленных красноармейцев Самарской губернии. Будучи в полку Красной Армии, был послан командиром с донесением на соседний хутор. Приехав на хутор спросил идущего бойца:

— Где командир?

Тот равнодушно ткнул рукой по направлению ближайшей хаты. Митя вошел в избу.

— Где командир.

— Я командир. Чего тебе?

— Пакет от товарища командира эскадрона.

— Какого «товарища» командира? Ты куда приехал?

— Как куда? — к красным.

— А здесь казаки. Ну-ка прочтем, что пишет «товарищ» командир.

И командир казачьего полка прочел письмо.

— Ну что же ты теперь будешь делать?

— А я не знаю...

— К казакам приехал. За пакет спасибо — примем к сведению... Что же с тобой, парень, делать?

— А я не знаю...

— А я знаю: будешь служить — хорошо, а не будешь — голова долой... Ну так как?

— Буду служить...

— Не сбежишь?

— Нет...

— А не врешь?

— Ей Богу нет...

— Ого! Ты и Бога не забыл... Молодец...

Командир полка передал Митю в сотню и с тех пор Митя служил казакам верой и правдой. Было много возможностей уйти к красным, но Митя как то привык, сжился с казаками и делил с ними все невзгоды походной жизни.

Николай нарвал большую охапку свежей травы на Бухарской стороне, стянул поясным ремнем и переправился на Самарскую (европейскую) сторону. Митя не стал дожидаться своего к-ра, наладил котелок у стана и варил мясо.

Николай голый выбрался на яр и положил охапку травы маштакам: своему серому и Митиному. Изголодавшиеся кони с жадностью набросились на свежую траву. Кругом в кустарниках горели огни, стоял немолчный говор казаков. Каждый занимался своим делом. Николай еще раз сплавал за травой и встав ночью из под шинели, подошел к лошадям и с большим удовлетворением посмотрел, как они жуют траву.

(Продолжение следует)

А. Погодаев

Казачий сбор

С каждым днем о декларации Германского Правительства и Верховного командования узнают все большие массы казачества, находящегося сейчас на правом берегу Украины.

Казаки беспредельно рады тому, что им дала Германия за заслуги, совершенные в нынешнюю войну. По собственному почину группируются партии казаков, выбираются старшины и затем организовано, при содействии казачьих сборных пунктов, трогаются в дальний путь — туда,

куда зовет и собирает Германия всех казаков! Партии создаются в 5—10 чел.

Большие партии обычно возглавляются казачьими офицерами. Казаки — люди дисциплинированные и такой порядок любят. Все знают, что многие из них попадут в запасные казачьи дивизии и через некоторое время будут сражаться с врагом. Старики и подростки направляются на места поселения, где и будут в своих новых станицах и хуторах жить до конца войны, вместе с женщинами и детьми. Сбор казаков повсеместно на правом берегу Украины проходит успешно.

Нас Дон зовет...

«Нас Дон зовет, он ждет своих сынов» — так любит часто приговаривать сотник Андрей Романович, беседуя с молодыми казаками, рассказывая им в свободное время про былую счастливую казачью жизнь, про подвиги наших предков, о черных, страшных днях прихода к вла-

сти большевиков, и о последующих долгих годах их кровавого владычества и произвола.

Старому казаку было что сказать нам и о своей долгой жизни и о службе родине и Дону. На службу военную вступил он еще 40 лет тому назад, уйдя молодым казаком в полк на действительную в 1905 году. Способный, смысленный и грамотный казак быстро продвигался по

службе, придя в станицу из полка в чине вахмистра. В первые два года мировой войны он уже полный георгиевский кавалер и подхорунжий. В 1916 году производится в офицеры. С начала гражданской войны принял деятельное и доблестное участие в борьбе с красными поработителями его родного Дона и, отличившись при разгроме дивизии Жлобы, производится в сотники.

Почти три года храбро дрались казаки и, когда под напором превосходящих сил большевиков, казачество покинуло родные края, то в его числе был и Андрей Романович, очутившийся на чужбине, в Болгарии.

Тихо шумят волны осиротевшего Тихого Дона, растерявшего своих детей. Затосковал по нем, не в силах переносить разлуку Андрей Романович, часто говоривший своим друзьям и станичникам: — Меня Дон зовет, он ждет своих сынов...

Не выдержав длительной тоски по родине, вернулся в 1927 году на свою голову старый казак в родные места, где его сразу же взяло в тиски расспросов и допросов ГПУ. Грозно и настойчиво кричали на него, спрашивая, почему и с каким заданием он сюда приехал, и т. д. Видя, что в покое его не оставят, попрощался А. Р. с своей семьей и ушел на Кавказ, добывая себе пропитание тяжелым трудом, скрываясь от разыскивавших его большевистских властей, под чужой фамилией.

Так шли годы и, наконец, в 1942 году пришли германские войска и старый сотник, с двумя своими сыновьями стал в их ряды и пошел освобождать свой народ от жигов и коммунистов. Одним из первых ворвавшись в станицу Константиновскую, он освобождает из тюрьмы НКВД много казаков, которые и поныне служат вместе с ним в одной части. В борьбе с партизанами на Украине он проявлял чудеса храбрости.

И теперь, обремененный годами, но крепкий телом и духом донской богатырь показывает еще пример молодым. И часто им говорит:

«Вперед, сыны мои, вперед к победе.

Нас Дон зовет, он ждет своих сынов»

Д. Хуторской

Матери-казачке

Стихотворение в прозе

Песни колыбельные пела мне над зыбкой мама дорогая часто в час ночной и, как сон, о Воле слышал я рассказы и, как сон, я видел свой Родимый Край...

Вырос — и в походы сына снарядила и, крестя, прощалась будто навсегда, за станицей долго сотне вслед глядела... Завернула сотня за степной бугор...

По степным равнинам зимнею порою пела вьюга песни и мороз знобил, летом — убегая вдаль степным миражем жаром полуденным зной меня душил.

Но и в бурю снежную и в палящий зной, сквозь порывы ветра, ураган и вихрь, сквозь снарядов грохот, сквозь напевы пуль-слышалась мне песня Стороны Родной...

Из степей привольных, из страны родимой, уходя в изгнание, память я унес о напевных песнях, о старинных былях, о станицах вольных, о Земле моей...

Вспоминая часто солнечные дали, хутора по балкам, шум речных быстрин, мыслею заветной в степи уношусь я на курган зеленый, на могильный холм...

Под крестом дубовым голову склоняю, под крестом дубовым шорохи ловлю и, как будто, снова в зыбке я ребячьей и, как будто, снова вижу мать свою... Нагибаясь близко, мне рассказ о Воле, голосом неслышным мама говорит и напев далекий песни колыбельной надо мною будто чуть дрожа звенит...

Иван Колесов

Т а и с

(Продолжение)

После службы я зашла поздороваться с бабушкой. Я познакомилась с ним вскоре после того, как меня привезли сюда с одним из тех эшелонов, которые зловещими призраками тянулись ранней весной 1942 года из Ленинграда на юг, в теплые и хлебные места, оставляя за собой покойников и зловоние. Тогда я долго пролежала в просторной, выбеленной комнате Фадеевны, украшенной портретом какого-то усатого великого человека областного масштаба, безучастно следя через окно за тем, как одевалась лилиями и зацветала однобокая, бесконечно изящная яблоня за глиняной оградой, отделенной от меня высокой, в кружеве мелких желтых цветочков, травой. Услышав, что в селе есть священник, я попросила хозяйку позвать его ко мне. Он пришел, и его простые речи произвели на меня благодатное и незабываемое впечатление. В то время я никак не могла думать, что оправлюсь и снова буду жить. Бабушка, напутствовавший на своем долгом веку столько умирающих, увидел иное.

— Не грешни, — мягко упрекнул он меня, когда я сказала, что мне жить не хочется: — вот увидишь, будешь жива, и еще дело тебе найдется.

Первая половина его предсказания оправдалась, и я сказала ему это. Он пригласил меня к себе. Он занимал небольшую, почти пустую комнату с узенькой койкой, столиком между двумя окошками и большим лубочным образом в углу. Какая-то Божья старушка принесла на стол самовар, чайник, нарезанный толстыми кусками белый хлеб, мед, масло и бутылку красного вина. Она налила чаю бабушке, мне и себе, по сама села не за стол, а скромно устроилась в уголку, возле русской печки.

— Ну, вот и переменялось наше царство, — сказал старик, тяжело опускаясь на стул.

— Да, бабушка. Как мы все боялись, а ничего страшного не оказалось.

— Боялись? Кто-же это боялся?

— Как кто, бабушка? Да все.

— Чужая ты здесь, конечно, потому и веришь, когда говорят: мы немцев боимся. Врут, детка, от старого страха врут. Кабы боялись, все бы поехали. А ты смотри, кто уехал? Жиды бессарабские, да начальство. А народ сидит, он знает, что ему хуже не будет.

— А почему же попрыгались?

— Ну, как-же, ведь пуганые. Боязно: а вдруг там стрельба, или еще что будет. Гляди, сегодня уже все вылезли, веселые ходят. Ну-ка, скажи по совести: ты-то боялась?

— Нет, бабушка, мне бояться нечего.

— Вот это ты хорошо сказала, — подхватил он с милой и умной улыбкой, скрадывавшей грубые, некрасивые черты скуластого, угловатого лица с рыже-седой бородой и маленькими голубыми глазами. — Бояться и вообще нечего. Слушай, детка, что я тебе расскажу. Когда меня сюда назначили, я неругался. Я раньше на Кубани жил. Ну, я сам из казаков, там моя родина, все свои кругом, знаешь, как оно говорится — дома и стены помогают. А позвали к Пресвященному, говорят: на Кавказ. Я пришел домой, и чего-то мне так страшно стало. Как, думаю, туда поеду? Край далекий, чужой, как паства еще примет? И чем дальше думаю, тем больше боюсь. И совсем было решил: поеду к Владыке, откажусь, буду милости просить, чтобы дома остаться. А у меня в комнате, в углу, образ Казанской Божией Матери висел, и лампадка перед ним. Я как-то нечаянно на него глянул — тут меня как осенило: что-же это ты малодушичаешь? Ведь это диавол тебя искушает.

Встал я тогда перед образом и воззвал со слезами ко Владычице Пречистой: помоги, Заступница! на Тебя одна надежда. Так со слезами и спать лег, и заснул, а может и не спал еще, до сего дня не знаю. И что-же ты думаешь?

— Так вот, сплю или нет, а слышу голос, такой, какого в жизни не слышал ни от единого человека. Я его потом еще раз слышал, тоже в трудную минуту. И говорит мне Она: «Не бойся, только молись!» Встал я с постели, и сон прошел, и страх прошел, и одна радость в душе, и простоял я тогда на молитве до утра и хоть бы сколько устал. Вот так-то и всегда, детка, помолись — страх и пройдет. И не бойся ничего, чего нам бояться?

Он засмеялся, вспомнив что-то.

— Слушай, еще расскажу. Это уже здесь было, когда меня в санаторию везли...

Он хитро подмигнул.

— Знаешь, какую санаторию? Я там семь месяцев пробыл. Однажды тоже страх хотел напасть, так я его молитвой легко прогнал. А тут меня как раз для беседы вызвали. Ну, привели. Комната обыкновенная, стул подали. Садись, говорят, старик. А их несколько человек, и все молодые. Перед Пасхой дело было. Что, спрашивают, делать будешь, если тебя сейчас вышлестим? Опнумом своим торговать пойдешь? Ведь религия — опнум для народа, ты это знаешь или нет? А я говорю: детки, говорю...

— Это Вы им — детки?

— А что-ж? Я уж старик такой, больше восьмидесяти годов, для меня все детки. Они не обиделись. Верно, говорю, детки, религия есть опнум. Только для кого? Для дураков, говорю, верно, опнум; так дурак и водой обоньется. А для умного человека религия есть счастье и вера и жизнь. А они мне: так это ты нас, что-ли, в дураки ставишь? А уж это, говорю, как хотите. Ну, они посмеялись, обратно в камеру отослали. Однако, на Пасху не выпустили.

Бабушка взял бутылку и подлил себе в чай красного вина, подумал и подлил еще.

— Желудок у меня слабый, — сказал он извиняющимся тоном, — как не согрею вином, просто беда.

В окно заглянула любопытная рожица Лидки.

— Кыш, цыплята, — шутливо махнул на нее платком бабушка.

— Ах, это-же мои спутники, — спохватилась я, сообразив, что давно бы уже пора дать покой старику, — я и забыла, что они меня ждут.

По дороге Лидка спросила:

— А что он с ложечки всем раздавал, причастие? Другой раз и я пойду получать.

Мне стало смешно от этого профессионально-кооперативного оборота в применении к причастию.

— Так тебе-же нельзя, ты некрещенная, — сказал я.

— Ну-к-шо-ж, что некрещенная? Пускай окрестят. Вы мне крестной будет, ладно, тетя Аня?

— Ладно, Лидка, с удовольствием. Только мама позвонит-ли?

Лидка подумала.

— Позволит, — сказала она рассудительно, — это при красных нельзя было, а теперь ведь немцы.

Т. Левшина

(Прод. следует)

Смерть атамана

(Рассказ очевидца)

Он был атаманом в степи, за курганом,
В станице одной небольшой.
Он был всем известен, был добр он и честен
С кристальной чистой душой.
Работал он много, добро хранил строго,
При нем хуторок богател...
В амбарах пшеницы... животных и птицы...
Развесть в один год он сумел.
Зажили не плохо, никто нас не трогал,
Спокойна была жизнь сельчан...
Не мало заботы во время невзгоды
О нас проявил атаман.
Но время иное, кошмарное, злое,
На хутор нежданно пришло:
Пришли комиссары, настали пожары,
Настало насилие и зло.
С улыбкой умильной, но с злобой бессильной
Домой к атаману пришли,
И с руганью, бранью, назвав его рванью,
Его избивали плетьюми.
«Твоей пснной жизни, изменник отчизны
Не будет не жаль никому.
Умрешь ты бесславно за то, что недавно
Врагом был селу своему.»
«Я был атаманом своим хуторянам,
Советам же злейший я враг.
Меня ж не шадите, скорее ж ведите
Расстреливать в ближний овраг.
Я умираю, но скоро, я знаю,
Поймут все ваш гнусный обман.»
Так смело и гордо, хоть тихо, но твердо
Сказал им герой атаман.
«Просить же пощады?! Вы будете рады,
Что страшен смертельный мне страх.

Я ведь не Сталин, казак я... Сусанин...
И Дону родному не враг.
Я умираю, а вас проклинаю,
Детьми же своими горжусь...
Им буду примером, что с честью и верой
Умру я за Дон и за Русь.
Моей милой внучке, жене и дочурке
Кто ж им мой привет передаст?
Их Бот не оставит, меня же прославит,
А вам по заслугам воздаст.»
Вдруг выстрел раздался, старик зашатался,
Как сноп подкошенный упал...
Без крика и стопа за честь, славу Дона
Геройскую смертью он пал.

Крымцев Ал—др

«КАЗАКОВ В ПЛЕН НЕ БРАТЬ!»

От имени группы кубанских казаков, сражающихся ныне на Восточном фронте, сотник К. пишет:

«Сегодня мы прочитали указ Начальника штаба Верховного Командования ген. Кейтеля и министра Розенберга о восстановлении казачьих прав и традиций. Мы, испытавшие на себе весь ужас большевизма, будем теперь драться еще энергичнее и лучше и пока течет по нашим жилам кровь, оружия из рук не выпустим.

Когда красные заняли Житомир, то в Москве дали салют из 240 пушек, а когда казаки из отряда «СС», под тем же Житомиром разбили большевиков на голову, то большевистские газеты писали о том, что «идут казачьи дикие орды, уничтожая все на своем пути».

Красные дрожат от одного слова «казак». Недавно мы взяли пленных, которые рассказывали, что их командир полка дал приказ: «Казак в плен не брать и уничтожать на месте».

В глубокой разведке

Как разыскать своих родных

В последние годы, вследствие военных действий на Востоке, многие потеряли связь со своими родными. По объявлениям о розысках в газетах, издаваемых в освобожденных областях, а также и при помощи газет для добровольцев, многим удалось эту связь восстановить. Но продолжает и теперь поступать множество просьб о розысках как от добровольцев, так и жителей освобожденных областей, а также и от проживающих в Германии рабочих, вносящих своим трудом свой вклад в дело борьбы с большевизмом.

Дабы пойти навстречу этому желанию восстановить и сблизить связи с близкими людьми, Военное Командование решило учредить несколько центральных розыскных бюро, которые, в пределах возможности и насколько позволит имеющийся в их распоряжении материал, должны удовлетворять эту насущную нужду.

Речь идет о четырех центральных бюро, разделенных по территориальному признаку, о чем говорится ниже. По нижеуказанным «Фельдпостномерам» (номерам полевой почты) и следует направлять все запросы, для чего следует пользоваться специально отпечатанной «Фельдпосткарте» (открыткой полевой почты), выдающейся по требованиям начальникам соответствующих немецких учреждений:

Бюро № 1: Zentralauskunftsstelle I — Feldpost № 57800.

По этому адресу следует направлять просьбы о розысках лиц, урожденных или проживавших в следующих местностях:

РСФСР: Красноармейский Край с Автономной Адыгейской областью. Орджоникидзевский Край с Кизлярским районом,

Автономной Карачаевской областью и Автономной Черкесской областью. Ростовская область. АССР. Дагестан. Кабардино-Балкария. Калмыкия. Крым. Северная Осетия. Чечено-Ингушетия.

УССР: Области: Запорожская, Николаевская, Одесская, Сталинская.

Автономная ССР Молдавия. Азербайджанская ССР с АССР Нагичевань и Автономная Северо-Осетинская область (ССР Грузия).

Бюро № 2: Zentralauskunftsstelle II — Feldpost № 11900.

По этому адресу направлять запросы о розысках лиц, урожденных или проживавших в следующих местностях:

РСФСР. Области: Воронежская, Курская и Сталинградская с Астраханским районом.

Украинская ССР. Области: Винницкая, Волинская, Ворошиловградская, Днепронетровская, Житомирская, Каменец-Подольская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Ровенская, Сумская, Харьковская, Черниговская.

Бюро № 3: Zentralauskunftsstelle III — Feldpost № 19000.

РСФСР. Области: Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская.

Белорусская ССР. Области: Барановичская, Брестская, Вилейская, Витебская, Гомельская, Мидская, Могилевская, Пинская, Полоцкая.

Бюро № 4: Zentralauskunftsstelle IV — Feldpost № 39609/Ru.

РСФСР. Область Калининская с районом Опочка. Ленинградская область с районами Книгинским и Псковским.

Р о з ы с к и

Мясников Григорий Анисимович, ст. Митякинской, хут. Каюкова просит откликнуться станичников. Фельдпост № 58736 С.

Хавдок С. с аула Кунчукохабль Кубанской Области, разыскивает брата Махмуда, племянника и друзей. Фельдпост № 57055 С.

Дьяконов Николай Филиппович, станицы Усть-Бело-Калитвенской, хутора Богатого, разыскивает брата Ивана и просит откликнуться станичников. Фельдпост № 57055 Д.

Бужор Александр Иванович разыскивает своего отца Ив. Вакул. Бужора. Фельдпост № 37544 А.

Унт.-оф. Бестаев Сергей Владимирович, станицы Карман-Синдзи-Кау Терской Области, разыскивает племянников: Антона Сланова, Андрея Дзедаева, Павла Джуоева и Максима Болотова. Ф. П. № 56.937.

Крахмалев Евгений Петрович разыскивает своего отца Петра Федоровича, лейтенанта казачьих частей, и брата Александра. Фельдпост № 56188.

Казак Шевченко Михаил Степанович разыскивает А. Л. Иваха Ник. Ал. Иваха, Ив. Гр. Попова и Павла Аким. Балцкого. Ф. П. № 59742 В.

Лукиянов Иван Ефимович, ст. Усть-Бело-Калитвенской, разыскивает двоюродн. брата Назарова Григ. Никифор. и просит станичников отозваться. Ф. П. № 57055 Д.

Карпенко Владимир Михайлович разыскивает Ник. Ив. Ефимова, Ефима Никитича Фильева, Сергея Яковл. Панасенко, Влад. Андр. Евтеева и Семена Никол. Юрикова. Фельдпост № 56361 Е.

Попов Александр Павлович разыскивает Якова Ильича Чебуракова, Андр. Ив. Фетисова и Стеф. Вас. Алектьева. Ф. П. № 57055 А.

Павлов Иван Евсеевич, ст. Усть-Бело-Калитвенской просит откликнуться племянников Дан. Стеф. Павлова, Петра Егор. Захарова и станичников. Ф. П. № 57055 Д.

Лейтенант Халин Петр Иванович, станицы Приближной, разыскивает брата Сафрона и станичников. Ф. П. № 59742 Д.

Журавлев Иван Николаевич, ст. Александро-Невской, Краснодарского Края, разыск. отца Николая Панкратьевича и брата Алексея. Фельдпост № 59742 Д.

Вангул Иван Прокофьевич, ст. Боргустанской Терской Обл. разыскивает Ив. Аксенов. Вангула, Федора Прок. Вангула, Петра Ив. Журня и Ник. Григ. Галецкого. Фельдпост № 48903.

Унт.-оф. Алексей Светлов, с хут. Арпачина Богаевского района, разыск. отца Дмитрия Светлова. Ф. П. № 58328 Д.

Дударь Николай Кузьмич, ст. Старо-Корсунской, Кубанск. Обл., разыскивает отца Кузьму Матвеевича и брата Павла. Ф. П. № 58736 Д.

Казак Василь Трошкин разыскивает унт.-офиц. Бурков. Ф. П. № 10868.

Вахмистр В. Лихман разыскивает эвакуированных со ст. Кущевской Кубанск. Обл. Мих. А. Гондаря, Ив. М. Яценко, Павла Кононенко и Петра Роженко. Ф. П. № 58736 Д.

Сотника Юрия Галдина просит откликнуться Владимир Ноженко. Ф. П. № 57917 Е.

Лейтенант Искуменко, ст. Сухопашинской просит откликнуться родственников и знакомых. Ф. П. № 59742 С.

Григорий Кузнецов просит отозваться тестя Стеф. Герас. Казанкова, с хут. Тормасина Есауловской станицы. Ф. П. № 48871.

Хоружий Шелякин Яков Иванович, ст. Верхне-Кундрюченской, просит отозваться станичников. Ф. П. № 48228.

Казак Нучеров Василий Алексеевич разыскивает братьев Григория, рожд. 1924 г. и Петра, рожд. 1927 г. Ф. П. № 59255.

Можаяев Иван разыскивает своего отца Николая Никифоровича Можаяева с хут. Можаяевка Митякинской станицы, находящегося ныне в рядах Германск. армии. Ф. П. № 25814.

Волкодав Иван разыскивает брата Григория. Ф. П. № 58066 С.

Панин Григорий Михайлович разыскивает отца Михаила Емельяновича Панина. Ф. П. № 57529.

Борисов Филипп, ст. Аннинской Хоперского округа просит станичников отозваться. Ф. П. № 59509.

Цацкой Илья Терентьевич, ст. Спокойной, Кубанск. Обл., просит отозваться станичников и знакомых. Ф. П. № 59509.

Копылов Иван Семенович, ст. Отрадной Кубанск. Обл. просит знакомых и станичников откликнуться. Ф. П. № 59509.

Павел Васильев разыскивает сына Ивана и Василия Потаповича Терлецкого, проживавших ранее в ст. Абинской Кубанской Области. Ф. П. № 48971.

Казак Петр Пластуненко разыскивает брата Ивана Даниловича из ст. Анастасиевской, Славянского района Кубанск. Обл. Ф. П. № 58188.